

УДК 343.971

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КРИМИНОГРАФИЯ В БАЛЛАДЕ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО «УТОПЛЕННАЯ»

Елена ГРИГОРЬЕВА,

кандидат юридических наук,
ведущий специалист отдела планирования и контроля
Мобильного спасательного центра
Государственной службы Украины по чрезвычайным ситуациям

Статья посвящена вопросам художественной криминографии как связующему звену между искусством (художественной литературой) и криминологией. В основе художественной криминографии лежат художественные модели жизненных фактов криминальной направленности.

Сфера криминографии включающая в себя публицистические и художественные описания различных проявлений криминального сознания и криминального поведения, рассматривается как базовый уровень культурной обработки эмпирической информации о преступлениях. Через призму функций художественной криминографии: репрезентативная, познавательная, оценочная и прогностически-предупредительная проведен криминологический анализ домашнего (семейного) насилия ставшего основной сюжетной линией баллады Тараса Шевченко «Утопленная».

Ключевые слова: художественная криминография, художественные модели криминальной реальности, функции, репрезентативная, познавательная, оценочная, прогностически-предупредительная, криминальное сознание, криминальное поведение, домашнее (семейное) насилие.

ART CRIMINOGRAPHY IN THE BALLAD OF TARAS SHEVCHENKO “Drowned”

Elena GRIGORYEVA,

Candidate of Law Sciences, Leading Specialist of the Planning
And Control Department Mobile Rescue Center State Service of Ukraine for Emergencies

The article is devoted to the issues of art criminography as a connecting link between art (fiction) and criminology. At the heart of art criminography are artistic models of life facts of a criminal orientation.

The scope of criminography, which includes journalistic and artistic descriptions of various manifestations of criminal consciousness and criminal behavior, is considered as the basic level of cultural processing of empirical information about crimes. Through the prism of the functions of art criminography: representative, cognitive, evaluative, and prognostic-preventive, a criminological analysis of domestic (family) violence has become the main storyline of Taras Shevchenko's ballad “Drowned”.

Keywords: art criminography, artistic models of criminal reality, functions, representative, cognitive, evaluative, prognostic-preventive, criminal consciousness, criminal behavior, domestic (family) violence.

CRIMINOLOGIE ARTISTICĂ ÎN BALADA LUI TARAS SHEVCHENKO

Articolul este dedicat problemelor de criminologie artistică ca o legătură între artă (literatură artistică) și criminologie. Criminologia artistică se bazează pe modele artistice ale faptelor de viață de orientare criminală.

Domeniul criminologiei, care include descrieri jurnalistice și artistice ale diferitelor manifestări ale conștiinței criminale și comportamentului criminal, este considerat ca un nivel de bază al prelucrării culturale a informațiilor empirice despre crime. Prin prisma funcțiilor criminologiei artistice: analiza reprezentativă, informativă, de evaluare și prognoștică-preventivă a violenței domestice (de familie) a devenit principala poveste a baladei “Înecată” a lui Taras Shevchenko.

Cuvinte-cheie: criminologie artistică, modele artistice ale realității criminale, funcții, reprezentative, cognitive, evaluare, previziune-avertizare, conștiință criminală, comportament criminal, violență domestică (familială).

Постановка проблемы. Противостояние людей, общества, государства преступности должно осуществляться с использованием всего многообразия средств и методов воздей-

ствия на это социально негативное явление. В этой связи недооценена роль искусства посредством художественного описания различных проявлений криминального сознания и криминаль-

ного поведения в содействии построению более качественного научного базиса криминологической методологии. И хотя, криминографический метод не является криминологическим, но свою

специфику он раскрывает через особенности предмета и задач именно криминологических исследований. Художественные модели криминальной реальности лежат в основе художественной криминографии, которая является базовым уровнем культурной обработки эмпирической информации о преступлениях [1, с. 56].

Актуальность темы связана не только с отсутствием должного исследования роли художественной криминографии в постижении криминогенной природы социальных явлений, но и с вопросами домашнего (семейного) насилия, обусловленного разрушением семейных отношений и деформацией семейных обычаев, как художественных моделей криминальной реальности которые послужили основой для написания баллады Тараса Шевченко «Утопленная».

Проблемой художественной криминографии в аспекте философии права занимались ученые: В.А. Бачинин, Н.И. Панов. Анализу мотивов разрушения семейных отношений в поэзии Тараса Шевченко в гендерном ракурсе и в частности анализу шевченковской баллады «Утопленная» посвятили свои работы: Н.П. Бойко, Р. Бурак, Д.В. Чалий, О. В. Шаф и другие.

Целью статьи является криминологическое изучение художественной модели криминальной реальности, описанной Тарасом Шевченко в балладе «Утопленная» через призму функций художественной криминографии.

Изложение основного материала исследования. Стратегия криминологической борьбы с преступностью строится с учетом мировоззренческих установок общества и человека, которые обусловлены определенными философскими представлениями об окружающем мире. В этом процессе неопределима роль искусства и художественной литературы, в частности. В истинно высоком народном произведении искусства художник раскрывает существенные связи явлений, требующих на данном этапе раз-

решения, выявляет особенности жизненных положений и характеров и дает им оценку с позиций передовых кругов своего времени [2, с.37]. Н.П. Бойко исследуя социально-философские идеи Тараса Шевченко в современном духовно культурном измерении отмечает, что грешит современный человек не от избытка своей личной распущенности, не от нечувствительности, и не от того, что желает грешить, а от того, что не видит грехов своих... Нет, человек не нечувствительный, он сойдет с места своего, если ему дело изобразить так, как оно есть. Лишь слегка приподними занавес и укажи ему хотя бы на одно из тех ежеминутных преступлений, которые он совершает, и у него уже не хватит храбрости хвастаться своей безгрешностью... Жизнь нужно показать человеку, - жизнь, взятую под углом зрения ее сегодняшней запутанности [3, с.47,48]. Художественное слово как форма искусства, которое создается под впечатлением жизненного факта, фрагмента реальной действительности формирует образ художественного произведения.

Именно сфера криминографии включает в себя публицистические и художественные описания криминальных реалий. Используя для изображения и анализа мотивационно поведенческих криминальных феноменов язык художественных образов, писатель строит свою аргументацию на основе разнообразных средств реалистически-повествовательного характера. Создаваемые писателями художественные модели криминальной реальности, выполняют по отношению к последней несколько функций: репрезентативную, познавательную, оценочную и прогностически-предупредительную.

Репрезентативная функция состоит во введении назревших, ставших остро насущными морально-правовых проблем в эпицентр общественного внимания. Дополнительно актуализируя их, художник тем самым

оказывает стимулирующее, активизирующее воздействие на нравственную жизнь общества. Кроме того, писатель высвечивает криминальную реальность как особое нормативно-ценностное пространство, альтернативное тому социальному пространству, содержимое которого отвечает критериям цивилизованности, соответствует нормам нравственности и права.

Познавательная функция позволяет создавать гносеологические образы типовых морально-правовых, в том числе и криминальных коллизий. Созданные художественные модели криминальных коллизий вбирают в себя и фокусируют обширную социальную информацию, фильтруя и доводя ее до высокой степени обобщения-типизации. Не случайно эти художественные модели зачастую опережают результаты теоретического познания, поскольку улавливают суть важных социальных тенденций, определяющих состояние локальных цивилизаций.

Оценочная функция заключается в том, что писатель вводит описываемые им криминальные факты в систему определенных ценностных координат, вынося им тем самым нравственный приговор. При этом оценки могут быть либо явными, либо скрытыми. Тем не менее, оценочность всегда присутствует в произведениях писателя, о чем свидетельствуют системы его образных построений, ориентированные как на сущее, так и на должное.

Прогностически-предупредительная функция состоит в способности искусства предостерегать, указывать на тревожные симптомы возможных катаклизмов. Она присуща наиболее выдающимся художественным произведениям. Их авторы временами выступают в качестве настоящих прорицателей-пророков, чья творческая интуиция пронзывает толщу времен и устремляется в лабиринты будущего, прозревая там грозные опасности, подстерегающие народы и цивилизации. Если писателю удается

выявить и обрисовать глубинные, сущностные противоречия, лежащие в основании типовых преступлений, то исследователям его творчества остается лишь показать как эти противоречия способны развернуть свои возможности в будущем до масштабов всемирно-исторических катастроф [1, с.57-59]. По нашему мнению, мотивы разрушения семейных отношений вследствие деформации семейных обычаев, которые послужили основой для создания многих произведений Тараса Шевченко в полной мере отвечают тем задачам которые поставлены перед художественной криминографией в ее культурной обработке эмпирической информации о преступлениях.

В основе поэтического творчества Тараса Шевченко лежат морально-этические ценности и идеалы народного мировоззрения, общечеловеческие права на жизнь, свободу, любовь и счастье, сочувствие к обиженным и угнетенным, нарушение которых были и есть насущными морально-правовыми проблемами общества. Баллада «Утопленная» была написана автором в 1841 году и относится к балладному триптиху раннего периода творчества поэта. Для поэта народная баллада это прежде всего бытовая, реальная жизненная ситуация, которой автор придает особый драматизм. По мнению А.И. Дея через драматическое, ужасное как одну из форм трагического в балладах утверждается народный идеал прекрасного в сфере человеческих отношений и чувств, осуществляется своеобразный общественный духовно-этический контроль над поведением единицы, охраняется здоровый дух неписаного кодекса народной морали [4, с. 22].

В основе баллады «Утопленная» лежит сюжет домашнего (семейного) насилия, мотивированный чувством ненависти матери к молодости дочери. Фокусируя внимание читателя на социальной проблеме деформации семейных обычаев, автор обращается к общечеловеческим

морально-этическим ценностям, которые служат опорой для многих норм права. Е. В. Харитоновна, исследуя вопросы противодействия домашнему насилию указывает, что когда мы говорим о домашнем насилии, надо понимать, что речь идет не только о доме в физическом смысле этого слова, месте постоянного нахождения лица, а об определенном символическом пространстве, где «домашность» выводится через определение круга лиц, на которых распространяется действие законодательства о домашнем насилии [5, с.38]. Так, часть 2 статьи 3 Закона Украины «О предупреждении и противодействии домашнему насилию» указывает, что действие законодательства об предупреждении и противодействию домашнему насилию распространяется на круг лиц, независимо от факта совместного проживания [6].

По нашему мнению, Тарас Шевченко так же как и Федор Достоевский рассматривал преступление не только как эмпирический факт, обусловленный физической и социальной реальностью, но и как метафизическую реальность, чьи корни теряются в темных глубинах запредельного мира. Для авторов, преступление имеет вид попираания фундаментальных первооснов бытия, формой оскорбления миропорядка, установленного Богом. Как способ «люцефирического самоутверждения личности», у истоков которого толкуется «бесь», преступление есть грех, то есть деяние, чей смысл, чьи причины и следствия выходят за физические и социальные рамки. Преступление производит необратимые перемены в человеческом духе, непоправимо деформирует его внутреннюю структуру. Оно изменяет баланс светлого и темного начал в индивидуальном «Я», резко расширяя пространство темного метафизического опыта. Оно же приводит в движение, в состояние активности имеющиеся темные свойства духа, позволяя тому, что пребывало под контролем или в состоянии невос-

требованности, обнаружиться, выйти на поверхность, открыто заявить о себе [7, с.75].

Сюжетная линия баллады «Утопленная» начинается с описания образа матери:

Посреди села вдовица
Жила в новой хате.
Белолица, черноока,
Гибок стан высокий,
И в жупане, кругом пани,-
Спереди и сбоку.
Молодая-чтоб не слазить.
А за молодою,
Да к тому ж еще вдовою,
Казак ордою
Так и ходят. Все ходили,
Коротали ночку,
И беспутная вдовица
Родила вдруг дочку

...

В праздники и в будни
С женатыми, с холостыми
Пила да гуляла [8, с. 180-181].

Нельзя не провести параллели между образом матери – беспутной вдовицы, которая убивает свою дочь и врожденной преступницей в разрезе ломброзианской теории «прирожденного преступника». Чезаре Ломброзо – итальянский психиатр, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве, в своей работе «Женщина преступница и проститутка» отмечал, что чувствительность у женщины слабее развита, чем у мужчин, но в тоже время, у женщины потребность в сохранении потомства, в материнстве преобладает над ее индивидуальным желанием. Слабо развитые нравственные чувства, ревность, злопамятство, мстительность, выражаются в рафинированной жестокости – недостатки, которые у нормальной женщины более или менее уравновешиваются и нейтрализуются чувством сострадания и материнством. Врожденная преступница представляет собой кроме того, исключение в двойном отношении: как преступница и как женщина. Преступник сам по себе является ненормальностью в современном обществе, а преступная женщина есть еще исключение и среди преступников, ибо естественная атависти-

ческая форма преступности у женщины есть не преступление, а проституция, так как примитивная женщина более проститутка, чем преступница. Поэтому преступница, как двойное исключение, должна быть вдвое более чудовищной. Если несмотря на многочисленные причины, которые предостерегают женщину от преступления такие как материнство, сострадание, физическая слабость, она совершает все-таки преступления, то ее нравственная испорченность, побеждающая все эти препятствия, должна быть поистине чудовищна [9, с.110].

В целом образ матери в творчестве Тараса Шевченко отличается определенной идеализацией, но в «Утопленной» поэт описывает образ матери в природной асимметрии. Так, автор указывает на полное отсутствие материнских чувств у матери к дочери:

Увидала мать-старуха
И расвирипела:
«Ишь нищенка прибудная,
Мало тебе дела!
Подросла уже невеста,
С хлопцами гуляешь...
Погоди же! Вот я тебе!..
Мать не уважаешь?!
Нет, голубка...»

И от злости
Скрежещет зубами.
Вот какая мать. Не сердце
У нее, а камень, -
Сердце матери! Ох горе,
Красотою своею
Похвалиться да кичиться,
Сердца не имея! [8, с.181-182].

Семейное (домашнее) насилие описанное в балладе, необходимо рассматривать не как отдельное действие, а как длительный жизнеобусловленный процесс отношений между насильником (мать) и его жертвой (Ганна). Поэт красочно описывает физическое и психологическое насилие, жестокость и деспотизм матери по отношению к дочери за ее молодость и красоту:

Ганна плакала, не зная,
За что мать старуха
Измывается над нею,
Ее проклинаят,

Дочь – страдалицу – прибудной

Зовет, называет
Прибудною... Кого ж, кого,
Палач, истязает?!
За что, за что дитя свое
Юное терзаешь?
Была Ганну мать немало –
Да не помогало [8, с. 182].

Следует отметить, что описанный автором внутрисемейный конфликт между матерью и дочерью носит сугубо односторонний характер и основан на возрастной утрате матерью собственной женской привлекательности и зависти к красоте молодой дочери:

Незаметно прелетела
Пора молодая...
Горе, горе! Мать все вянет,
Дочка расцветает,
Подрастает...Вырастает
Ганной черноокой,
Словно тополь в чистом поле,
Стройной да высокой [8, с. 181].

Австрийский психиатр, психолог, философ В. Франкл считал, что быть человеком – это значит жить в мире напряжения, возникающего между полюсами реальности и идеалов [10, с.285] Психологический дискомфорт матери, связан с чувством собственной неполноценности, ее неуверенностью в себе как женщины. Потребность, направленная на снятие возникшего психологического напряжений, а также потребность в самоутверждении, толкает мать на насилие, направленное на объект, который вызвал отрицательные эмоции (Ганна). Так, С.Л. Рубинштейн, характеризуя стержень личности указывал, что именно то, что лично значимо, выступает в конечном счете в качестве мотивов и целей деятельности [11, с.620]. Образ матери воплотил в себе отчужденную и тревожную личность, которая совершает насилие, чтобы не разрушать свое представление о себе, свою самооценку. Молодость дочери воспринимается матерью как угроза для ее собственного существования, угроза небытия.

Особый драматизм придает сюжету попытка матери отравить

дочь и в дальнейшем ее утопление:

«Заколдована!.. Пстой же, -
Мать-злодейка шепчет, -
Видно, надо сходить к ведьме
Да яду покрепче
Раздобыть...»

Сходила к ведьме,
Яду раздобыла
И тем ядом на рассвете
Дочку напоила.
Да не вышло... Мать с досады,

Что не отравила,
Проклинает час рожденья
Дочери постылой.
«Жарко мне! Пойдем-ка дочка,
К пруду искупаться!»

...
Мать родная перед нею,
От злости немая,
То желтеет, то синееет;
Страшная, босая,
Пена изо рта, и космы
Рвет в песок бросая.
Кинулася на Ганнусю,
Вцепилась ей в косы.
«Мама! Мама! Что с тобою?!»
Волны у откоса
Закипели, застонали
И обеих скрыли... [8, с. 182-183].

Показательно, что в балладе поэт не называет имя матери, а дочь на протяжении всей баллады называет по имени – Ганнуса, что свидетельствует о его чувственном лиризме, сочувствии к жертве материнского насилия.

Образ дочери глубоко связан с сиротством, ведь по сюжету баллады мать от нее отказалась:

И беспутная вдовица
Родила вдруг дочку.
Родила – и горя мало,
И, забот не зная,
Отдала чужим ребенка.
Вот ведь мать такая! [8, с. 181].

Рыбак в балладе «Утопленная» выступает катализатором обострения поэтического действия:

А казаки хмелем вьются,
Вьются вокруг Ганнуса.
Пуще всех рыбак кудрявый,
Ему не до лова,
Все забудет, повстречавшись

С Ганной чернобровой [8, с. 181].

Ганнуся и рыбак пример трагических влюбленных, которые разлучаются из-за материнской ненависти и жестокости в этом мире и находят друг друга в «мире ином»:

Долго плакал рыбак бедный:
«Нет мне, видно, доли,
Счастья нет на этом свете,
Жить в воде мне, что ли?...»
И, целуя поднял Ганну...

Застонали волны,
Разомкнулись и сомкнулись
Без следа безмолвно... [8, с. 184].

Следует отметить, что в балладе отсутствует прямое морализаторство со стороны автора, а оценочность носит скрытый характер, что соответствует балладному принципу «от противоположного» – описанием аморальных поступков достойных осуждения. Тарас Шевченко по средством литературного слова акцентирует внимание читателя на тревожных симптомах в характере семейных отношений, которые являются индикатором отношений общественных.

Выводы. Художественная криминография используя для описания и психологического анализа различных форм криминального сознания и криминального поведения язык художественных образов является тем самым действенным средством постижения сути конкретных преступлений, так как их авторы обнажают их истинный, деструктивный смысл.

Ставя остро насущные морально-правовые проблемы в эпицентр общественного внимания, художественная криминография может рассматриваться как один из методов криминологических исследований, который расширяет их базу и повышает результативность.

Посредством создания художественных моделей криминальной реальности художественная криминография вы-

полняет ряд функций: репрезентативную, познавательную, оценочную и прогностически-предупредительную.

В балладе Тараса Шевченко «Утопленная» репрезентативная функция состоит в актуализации проблемы деформации семейных обычаев, насилия между родными людьми – семейного (домашнего) насилия, как криминальной реальности, которая противоречит исконным постулатам народной морали и священности семейных связей, нормам нравственности и права.

Познавательная функция заключается в обобщении социальной информации о морально-правовых, криминальных столкновениях в области человеческих (семейных) отношений.

Оценочная функция художественной криминографии в балладе Тараса Шевченко «Утопленная» состоит в том, что жизненные, криминальные факты, которые легли в основу факта литературного оцениваются в рамках нормативно-ценностного пространства.

В предостережении и указании на тревожные симптомы в области человеческих, внутрисемейных отношений, как индикаторов общесоциальных процессов заключается прогностически-предупредительная функция художественной криминографии в балладе Тараса Шевченко «Утопленная».

Список использованной литературы

1. Бачинин В.А. Достоевский: метафизика преступления (художественная феноменология русского протомодерна) / В.А. Бачинин. - СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 2001. - 412с.
2. Мельникова Л.В. О специфике правды в искусстве/ Л.В. Мельникова// Наука и искусство. - 1975. - №2. - С.33-51.
3. Бойко М.П. Соціально-філософські ідеї Т.Г. Шевченка у сучасному духовно-культурному вимірі 200-річчю з дня народження Т.Г. Шевченка

присвячується. Монографія / М.П. Бойко. - Дніпропетровськ: «ДДТУ», 2013. - 217 с.

4. Дей О. І. Українська народна балада / О. І. Дей. - К.: Наукова думка, 1986. - 263 с.

5. Харитонова О.В. Ключові засади гендерної політики в кримінальному праві України та основні напрями реформ щодо протидії насильству стосовно жінок та домашньому насильству. Науково-практичний посібник / О.В. Харитонова. - Х.: ТОВ «Видавництво Права людини», 2018. - 344 с.

6. Про запобігання та протидію домашньому насильству: Закон України від 7 грудня 2017 р. № 2229-VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2229-19>.

7. Бачинин В.А., Панов Н.И. Достоевский: философия, социология и психология преступления / В. А. Бачинин, Н.И. Панов. - Х.: Основа, 2001. - 136 с.

8. Шевченко Т.Г. Собрание сочинений в 5-ти томах/ Т.Г. Шевченко/ Под ред. А. Дейча, М. Рильского, Н. Тихонова. Том 1. Стихотворения и поэмы 1837-1847. Пер. с укр. М.: Изд. «Художественная литература», 1964. - 430 с.

9. Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка [Текст]/ Ч. Ломброзо, Г. Ферреро. - Чебоксары: АВАН-И, 1994. - 220 с.

10. Франкл В. Человек в поисках смысла / В.Э. Франкл. - М.: Прогресс, 1990. - 285 с.

11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии [Текст]/ С.Л. Рубинштейн. - СПб: Питер, 1999. - 720 с. - (Мастера психологии).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Григорьева Елена Валерьевна – кандидат юридических наук, ведущий специалист отдела планирования и контроля Мобильного спасательного центра Государственной службы Украины по чрезвычайным ситуациям;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Grigoryeva Elena Valeryevna – Candidate of Law Sciences, Leading Specialist of the Planning And Control Department Mobile Rescue Center State Service of Ukraine for Emergencies;
G.E.V@ukr.net